Воспоминанія М. К. Арнольда.

(1819—1833).

Мои родители. Жизнь помѣщиковъ 20 гг. С. И. Вязьмитиновъ. Въ Екатеринославской гимназіи 20 гг. Военная служба въ Осташковѣ. Школа подпрапорщиковъ. Корпусныя шалости. Въ помѣщичьей семьѣ въ Козловѣ. Жизнь военныхъ въ Польшѣ послѣ возстанія. Солдатская муштровка. Бунтъ поселенцевъ въ Старой Руссѣ 1831 г.

Отецъ мой, уроженецъ, кажется, г. Эльбинга въ Пруссіи, во время всеобщаго броженія умовъ въ 1794 г. переселился въ Литву, а оттуда въ Россію. Служилъ онъ въ прусскихъ войскахъ, имѣлъ какую-то ссору съ товарищемъ и потомъ дуэль, за что ему грозило заключеніе въ крѣпости, и потому онъ счелъ лучшимъ удалиться въ болѣе гостепріимный край, захвативъ свои документы, прибылъ въ Литву и поселился въ домѣ какого-то польскаго магната въ должности гувернера. Тамъ онъ встрѣтилъ дѣвушку, эмигрантку изъ Франціи, переселившуюся вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ въ Берлинъ и служившую у помѣщика гувернанткой. Будучи одинаково бѣдны, они полюбили другъ друга и, рѣшившись общими силами добывать себѣ хлѣбъ, вступили въ 1799 г. въ бракъ и потомъ они, какъ мужъ и жена, заняли опять свои должности. Отъ брака этого родилось 5 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ я былъ младшій.

До революціи семейство моей матери имѣло независимое состояніе во Франціи, которое въ революціонные годы было конфисковано, и они едва спасли свою жизнь, удалившись въ Пруссію.

Въ 1802 г. отецъ и мать мои поселились въ Россіи и прибыли въ Могилевъ на Днѣпрѣ, гдѣ мать моя открыла пансіонъ для дѣвицъ.

Пансіонъ этотъ пользовался извѣстностью. Довольство и изобиліе не покидало нашъ домъ. Но вотъ насталъ 1812 годъ. Маршалъ Даву, прозѣвавъ соединеніе арміи Багратіона и Барклая-де-Толли, занялъ Могилевъ. Французскіе мародеры грабили мирныхъ жителей, и бѣдняки лишились всего своего имущества. Тогдашній русскій губернаторъ не дозволилъ никому изъ жителей выѣзжать изъ Могилева, когда же, послѣ трехдневной

битвы генерала Раевскаго съ французами, маршалъ Даву занялъ Могилевъ, тогда только нѣкоторые изъ жителей спаслись отъ разгрома.

Въ числѣ этихъ счастливцевъ не былъ мой отецъ. Все имущество, добытое годами труда и лишеній, погибло, домъ разграбленъ начисто, и не только серебряной ложки не осталось, но даже и хлѣба. При пяти малолѣтнихъ дѣтяхъ, что оставалось дѣлать моему отцу? Онъ принялся вставлять стекла въ карманные часы и, зная немного механику, рѣшился починять и столовые и разныхъ калибровъ часы и на эти скудные заработки пропитывалъ свое многочисленное семейство. Кое-какъ прожило семейство наше въ Могилевѣ еще два года; потомъ въ 1814 г. мать приняла предложеніе открыть пансіонъ въ г. Сѣвскѣ Орловской губерніи. Здѣсь расходы превышали доходы, но все-таки пансіонъ просуществовалъ до 1817 г.; въ этомъ году отецъ поступилъ гувернеромъ къ богатому помѣщику Харьковской губерніи, Сумскаго уѣзда, и здѣсь прожило наше семейство въ довольствѣ и дружескихъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ до 1821 года.

Съ 1819 г. начинаются мои собственныя воспоминанія; воспоминанія дѣтства до того живо рисуются въ моемъ воображеніи, что я, какъ будто, все вижу наяву, и ни малѣйшая подробность не исчезаетъ изъ моей памяти.

Владѣлица значительнаго имѣнія, въ которомъ поселилась наша семья, была несовершеннолѣтняя дѣвица по имени Марья Михайловна К. Опекуномъ былъ дядя ея, тоже богатый помѣщикъ, отставной подполковникъ Степанъ Ивановичъ Вязмитиновъ. Женатъ онъ былъ на весьма невзрачной женщинѣ, часто любившей выпить. Двое дѣтей С. И., Аркадій и Любовь, были воспитанниками моихъ родителей. Сама наслѣдница имѣнія, Марья Михайловна, 20-ти лѣтъ, красавица, милая и добрая, не имѣла ни малѣйшаго вліянія въ домѣ, и въ имѣніи всѣмъ распоряжался опекунъ ея и, надо сказать, распоряжался на славу. Заботы о будущемъ не входили въ его разсчеты, лишь бы пожить весело и ничѣмъ не стѣсняться. Огромное имѣніе было прожито—осталось только не больше 600 душъ, и то въ разныхъ деревняхъ, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніи болѣе чѣмъ 150 верстъ. На дорогѣ къ этимъ двумъ усадьбамъ лежало богатое село Вири, гдѣ поселился С. И. со своимъ семействомъ.

Домъ старый, построенный еще дѣдомъ тогдашней владѣлицы, деревянный съ разными вычурами, въ одинъ этажъ, замѣчателенъ былъ по множеству покоевъ, не имѣющихъ особаго назначенія. Огромная передняя, гдѣ толпилась куча дворовой прислуги,

огромная дѣвичья, плотно обставленная пяльцами, гдѣ съ утра до поздней ночи работало болѣе 30-ти бѣлошвеекъ и кружевницъ, казались мнѣ въ то время главнымъ центромъ дѣятельности въ домѣ. Къ дому этому пристроено было каменное огромное строеніе, большую часть котораго занимала огромная зала въ два свѣта, и по всѣмъ четыремъ стѣнамъ этой храмины тянулись огромныя хоры. Въ пристройкѣ этой было нѣсколько комнатъ, но въ нихъ никто не жилъ, а служили онѣ классными комнатами и помѣщеніями для пріѣзжихъ гостей. Дворъ обстроенъ былъ службами, и на заднемъ дворѣ помѣщалась псарня, гдѣ въ счастливомъ довольствѣ жила огромная стая гончихъ и борзыхъ собакъ. Конюшня охотничьихъ лошадей отличалась чистотой и пользовалась особеннымъ вниманіемъ опекуна. Хоръ охотничьей музыки, помнится человѣкъ до 20-ти, былъ одѣтъ въ особые охотничьи мундиры. Доѣзжачіе и охотники съ борзыми тоже въ охотничьихъ мундирахъ составляли почетную свиту владѣльца. Хоръ роговой музыки въ 73 человѣка составлялъ особую касту. Хоръ инструментальной музыки, подъ надзоромъ особаго капельмейстера, былъ лучшій, какъ тогда говорили, въ губерніи. Кромѣ этихъ трехъ хоровъ были также пѣсенники, и во время парадныхъ обѣдовъ всѣ эти четыре хора размѣщались въ залѣ на хорахъ и въ продолженіе всего обѣда поперемѣнно услаждали слухъ гостей.

Обѣды и праздники бывали часто. Со всего уѣзда съѣзжались знакомые, и всѣ эти гости пріѣзжали не на день, не на два, а должны были гостить по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Подъ строгимъ отвѣтомъ, никто изъ гостей не смѣлъ распорядиться самъ по себѣ и приказывать запрягать своихъ лошадей. Экипажи, лошади и вся прислуга гостей находились во все время праздника въ полномъ распоряженіи владѣльца, кормилась на счетъ экономіи, и только съ согласія владѣльца гость могъ возвратиться домой.

Охота на волковъ, лисицъ и зайцевъ была одна изъ прихотей С. И. Гости, охотники—верхомъ, не охотники—въ линейкахъ и экипажахъ, сопровождая дамъ, безусловно всѣ должны были выѣзжать на охоту. Травили зайцевъ, загоняли волковъ въ тенета, лисицъ захватывали живьемъ и связанныхъ привозили въ село для отдѣльной травли. Избави Богъ, если доѣзжачій прозѣваетъ и дастъ русаку уйти изъ острова и не выгонитъ его въ поле, гдѣ ждутъ его охотники. Тутъ же и на мѣстѣ расправа. Арапники исполосуютъ его спину такъ, что до новыхъ вѣниковъ не забудетъ. Но если объѣдутъ въ островѣ стаю волковъ и заставятъ всѣ выходы тенетами, а волки прорвутъ ихъ, тогда святыхъ выноси вонъ, всѣмъ охотникамъ достанется, и никому пощады не будетъ. Ли-

сицы тѣ всегда были жертвами многочисленной стаи гончихъ: до тѣхъ поръ гонятъ ихъ по острову, докуда лисица потеряетъ возможность бѣжать, и, какъ только покажется въ полѣ, ловкіе стремянные арапниками вгоняютъ ихъ въ островъ, и бѣдное животное, спасаясь отъ пасти огромной стаи гончихъ, присмирѣетъ и дастся взять ее руками. Не проходило поля, чтобы 5—6 лисицъ не было загнано и болѣе 60—70 зайцевъ затравлено...

Утро. Чуть свѣтаетъ. Часа 3 ночи. На дворъ въѣзжаетъ охотничій хоръ. Конь въ посеребренной сбруѣ. Аргаки сѣделъ обиты посеребренными гвоздями, на манеръ казацкихъ. Всѣ охотники въ одинаковыхъ охотничьихъ казакинахъ, съ трубами на цвѣтныхъ шнуркахъ, съ шелковыми кнутами. Чинно, по два справа, подъѣзжаютъ они къ крыльцу, выстраиваются и играютъ.

Все въ домѣ просыпается: хозяинъ, жена его, племянница и всѣ гости выходятъ одѣтые по-полевому и размѣщаются по заранѣе опредѣленному расписанію. Кому подводятъ коня со сворами борзыхъ, кто садится на линейки, а кто въ экипажи. Самому хозяину подводятъ борзаго черкеса, любимыя его борзыя прыгаютъ къ сѣдлу и радуются приближающейся потѣхѣ. Весь дворъ вмигъ покрывается экипажами, верховыми лошадьми и собаками. Выѣзжаютъ за село, а тамъ выстроена вся охота: гончія на смычкахъ раздѣляются на двѣ смѣны, и въ одинъ разъ пускаютъ въ островъ до 200 собакъ.

Заранѣе съ полночи отправляются впередъ телѣги съ хоромъ роговой музыки, обозъ съ съѣстнымъ, палатки и стулья.

Пускаютъ стаю въ островъ, и тутъ пошла потѣха. Но все это стройно, все правильно, никто не смѣетъ произвольно сойти со своего мѣста, все видитъ глазъ отвѣтнаго охотника. Часамъ къ 10-ти, когда сдѣлается довольно жарко, и затравлено уже большое количество зайцевъ, по сигналу, данному стремяннымъ владѣльца, доѣзжачіе съ гончими выѣзжаютъ изъ острова, владѣлецъ подъѣзжаетъ къ охотѣ, дѣлаетъ свои замѣчанія, хвалитъ, если все дѣлалось хорошо, а если недоволенъ, то тутъ же велитъ влупить виновному порядочное количество арапниковъ въ спину, и послѣ этакого инспекторскаго смотра вся охота отправляется далѣе къ мѣсту, назначенному для отдыха. Палатки разбиты, кушанья и вина приготовлены,—начинается охотничій завтракъ, а тутъ, гдѣ-нибудь изъ лѣску, никѣмъ невидимый хоръ роговой музыки заиграетъ веселые мотивы и задушевныя русскія пѣсни. Послѣ завтрака отдыхъ; все ложится спать. Кто на травѣ, положивъ голову на кочку, а дамы въ экипажахъ, а болѣе почетные въ палаткахъ. Отдыхъ необходимъ: рѣдко кто изъ охотниковъ и не охотниковъ—гостей остается послѣ завтрака трезвымъ. Пить

по предложенію хозяина необходимо нужно, иначе вражда, и вражда вѣчная. «Со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходи», говаривалъ С. И., и всѣ повиновались—кто по-охотѣ, а кто по-неволѣ. Къ вечеру та же продѣлка: другая стая на очереди, а часамъ къ 9-ти возвращаются всѣ домой.

Вечеромъ балъ. Чинно разряженныя сидятъ рядкомъ дамы и дѣвицы на особомъ возвышеніи, покрытомъ бархатомъ, и всѣ входящіе кавалеры по очереди идутъ и цѣлуютъ ручки каждой изъ сидящихъ на возвышеніи. Огромная зала освѣщена люстрами съ восковыми свѣчами. На хорахъ два хора инструментальной и духовой музыки. Балъ начинается польскимъ, потомъ экосезы, матродуры, русскія кадрили и, наконецъ, въ 4 пары мазурка.

Весело танцуетъ молодежь, и танцуетъ не такъ, какъ нынче, для разговоровъ, а танцуетъ до упаду и съ полнымъ желаніемъ провести вечеръ въ удовольствіи. На другой день парадный обѣдъ. Столъ накрытъ покоемъ во всю гигантскую залу. Человѣкъ 200 гостей. На хорахъ инструментальные музыканты настраиваютъ инструменты. Огромные рога роговой музыки выглядываютъ изъ-за баллюстрады хора, 73 музыканта—каждый производящій одинъ только звукъ—готовы. Духовые инструменты лежатъ на пюпитрахъ, и хоръ пѣсенниковъ и пѣвицъ собрались на 4-е хоры. Все ждетъ выхода къ столу. Подъ окнами въ саду стоитъ 12 полутора-фунтовыхъ орудій съ назначенными къ тому домашними артиллеристами. Но это секретъ для гостей, объ этой потѣхѣ никто—даже домашніе—не знаютъ. Это С. И. придумалъ удивить своихъ дорогихъ гостей и ждетъ съ нетерпѣніемъ перваго тоста за здоровье.

Завтракъ для возбужде́нія аппетита разставленъ и въ старомъ домѣ, и въ комнатахъ, прилегающихъ къ залѣ. Всѣ гости по примѣру хозяина подходятъ къ водкѣ, къ наливкамъ, ликерамъ и прочимъ напиткамъ и снуютъ изъ комнаты въ комнату.

По знаку хозяина раздаются торжественные звуки польскаго «Славься, славься симъ, Екатерина» или «Громъ побѣды раздавайся»; въ первой парѣ идутъ хозяинъ съ хозяйкой, за ними всѣ почетные гости попарно, но разсаживаются не такъ, какъ шли, а дамы и дѣвицы на одной сторонѣ, а мужчины противъ нихъ, и усаживаются по чинамъ. Обѣды изобиловали количествомъ кушаньевъ. Жаркое состояло по большей части изъ дичи и нерѣдко подавались фазаны и лебеди. Отдѣлъ пирожныхъ былъ особенно щеголеватъ; подавали цѣлыя сахарныя кондитерскія башни съ фигурами, изображающими разныхъ птицъ, раковъ и рыбъ. Противъ каждаго гостя стояли бутылки венгерскаго, наливки всевозможныхъ сортовъ и столовое вино. Пить слѣдовало всѣмъ,

никто изъ обѣдающихъ не смѣлъ отказываться отъ вина, разливаемаго ловкими оффиціантами, и за каждымъ стуломъ стоялъ лакей, живо и ловко перемѣняющій посуду. Столъ сервированъ роскошно, старое дѣдовское серебро выставлялось наружу.

Но вотъ оканчивается обѣдъ, ждутъ шампанское. Пробки въ потолокъ, всѣ съ налитыми бокалами встаютъ привѣтствовать хозяина, громъ музыки играетъ тушъ. Встаютъ хозяинъ съ хозяйкой и съ словомъ «за здоровье хозяина», батарея, поставленная подъ окнами, дѣлаетъ залпъ. Окна вдребезги. Дамы вскрикиваютъ отъ неожиданнаго грома, сама хозяйка, уже привыкшая ко многимъ нечаянностямъ, пугается и чуть не падаетъ въ обморокъ, а хозяинъ, самодовольно улыбаясь, благодаритъ общество за честь и слова тоста, снова батарейные залпы, громы музыки и, наконецъ, пѣніе пѣсенниковъ и пѣвицъ.

Обѣдъ кончился, все общество возвращается въ гостиныя, подаютъ кофе и чай.

Послѣ обѣда, который кончается не позже 3-хъ или 4-хъ часовъ, всѣ отправляются на отдыхъ,—таковъ обычай, и никто не смѣетъ нарушить уставовъ дома, при томъ къ вечеру готовится блистательный маскарадъ, и всѣ стараются приготовить себѣ костюмы. Въ смежныхъ съ залой комнатахъ приготовлены маски, домино и всевозможные волшебные костюмы: всякій выбирай по вкусу, ничѣмъ не стѣсняйся. Часамъ къ 8-ми вечера начинается сборъ масокъ, и чего здѣсь не было?

Балъ опять начинался польскимъ, отъ котораго никто не могъ отказаться. Старики, старухи вмѣстѣ съ молодыми выдѣлывали разныя па, и польскій продолжался по крайней мѣрѣ часъ, проходили по всѣмъ комнатамъ, какъ новаго, такъ и стараго дома. Потомъ составлялись кадрили, всѣ танцовали, въ маскахъ, не дозволено было любопытствовать и снимать маски. Веселость неподдѣльная сіяла на всѣхъ лицахъ. Веселились до упаду.

Часовъ около 11-ти хозяинъ и хозяйка снимали маски, и все общество слѣдовало ихъ примѣру; тутъ много встрѣчалось забавнаго, меня очень занимала маска сахарной головы и большого пѣтуха. Какъ только маски снимались, снялась и голова пѣтуха, а сахарную голову должны были положить на бокъ, чтобы помочь выйти изъ нея тому, кто ее носилъ на своихъ плечахъ. Пѣтухъ былъ какой-то офицеръ, молодецъ собой, а сахарную голову носилъ сосѣдъ хозяина. Смѣхъ, пискъ, визгъ раздались по залѣ, и все закружилось въ новыхъ русскихъ кадриляхъ или мотрадурахъ.

Въ 12 часовъ ночи начинали накрывать къ ужину, и когда все было готово, изъ буфета 4 оффиціанта на огромномъ серебряномъ

подносѣ выносятъ строй бутылокъ разныхъ водокъ, за подносомъ слѣдуютъ 12 красивыхъ дѣвушекъ изъ пѣвицъ, хозяинъ и хозяйка подходятъ сами и просятъ выпить рюмочку, и сами съ каждымъ гостемъ пробуютъ, а дѣвушки звучными голосами поютъ извѣстную пѣсню:

Чарочка, чаперушечка
Я тебя выпью, а не вылью.

Такъ торжественно обходитъ подносъ по всей залѣ, и всѣ потомъ идутъ ужинать попарно, какъ къ обѣду, и такимъ же порядкомъ усаживаются. Ужинъ хотя не такъ многочисленъ блюдами, но все-таки продолжается около 2-хъ часовъ.

На третій день предположена охота на утокъ и перелетныхъ птицъ.

Подаются линейки, все общество, кромѣ дамъ, усаживается и, хочешь, не хочешь, а бери ружье и участвуй въ общей потѣхѣ. Мѣста изобилуютъ дичью. Озера наполнены утками, огромное количество убивалось въ эти поѣздки, и все также оканчивалось добрымъ полевымъ завтракомъ, послѣ котораго необходимъ былъ отдыхъ.

Дамы и дѣвицы во время отъѣзда мужчинъ на утиную охоту занимались игрою въ фанты и бѣганьемъ въ саду. Къ обѣду все общество возвращалось, и опять то же: опять музыка, тосты, залпы орудій, а вечеромъ танцы, чепурочка и ужинъ.

Итакъ нерѣдко проживали гости у С. И. по недѣлямъ; кто же ему особенно понравится или тѣмъ, что мастеръ стрѣлять по ласточкамъ или бекасамъ, или тянуть водку, какъ воду, и не становиться пьянымъ, тотъ гостилъ по мѣсяцу и дѣлался другомъ дома.

Воспоминанія мои представляютъ мнѣ огромный садъ и паркъ, окружающій усадьбу. Въ саду былъ прудъ и на пруду купальня въ видѣ дома со многими комнатами, а въ особыхъ резервуарахъ плавали стадами дикія утки разныхъ породъ и цвѣтовъ. Не малой забавой была травля и стрѣльба по лисицамъ, которыхъ всегда много держали для этихъ потѣхъ въ запасѣ.

Волчья травля, пойманныхъ въ тенета волковъ, нерѣдко дѣлалась на самомъ дворѣ, а иногда выводили на травлю двухъ медвѣдей и травили ихъ мордашками и бульдогами, и все общество должно было присутствовать при этой травлѣ. Медвѣдей, какъ только ихъ повалятъ, брали опять на цѣпи и сажали до новой травли.

Къ С. И. пріѣзжали часто квартирующіе въ уѣздѣ офицеры кирасирскаго полка. Я помню, какъ командиръ какого-то полка, молодой полковникъ, впослѣдствіи генералъ фонъ-Остенъ-Сакенъ, былъ на балахъ однимъ изъ первыхъ кавалеровъ, и тогда шелъ

слухъ, что онъ сдѣлалъ предложеніе молодой наслѣдницѣ имѣнія, но опекунъ ея не разсчитывалъ такъ скоро выпустить изъ рукъ управленіе столь богатымъ имѣніемъ. Предложеніе отвергнуто, хотя и наслѣдница была неравнодушна къ красавцу полковнику.

Прошелъ годъ или болѣе; въ Сумахъ стояла конно-артиллерійская батарея. Командиръ этой батареи, подполковникъ Дубовицкій, влюбился въ наслѣдницу, но, зная гордость С. И. и нежеланіе выдавать наслѣдницу, не рѣшался сдѣлать предложеніе; бѣдная наслѣдница, видя, что симпатія ея не уважается, и воля ея не ставится ни во что, поощряла Дубовицкаго, и онъ уговорилъ ее бѣжать. Все было приготовлено. Дубовицкій обѣщался подъѣхать ночью и подвести другую лошадь, а наслѣдница должна была потихоньку вылѣзть изъ окошка, сѣсть на лошадь и ускакать изъ собственнаго своего наслѣдственнаго имѣнія. Чтобы вѣрнѣе исполнить этотъ планъ и чтобы имѣть въ случаѣ погони защиту, Дубовицкій взялъ съ собой почти всю свою артиллерійскую прислугу.

Темною осеннею ночью подъѣхалъ Дубовицкій счастливо подъ окошко, артиллерійская прислуга дожидалась за паркомъ. М. М. встаетъ съ постели уже одѣтая и тихо становится на окошко, чтобы оттуда сѣсть на лошадь и ускакать, но спавшая въ этой же комнатѣ тетка ея, жена С. И., вдругъ спросила: «Куда это ты Маша?» и та, какъ безжизненная, упала на окошко, и тетка отвела ее назадъ на постель. Тѣмъ предпріятіе и окончилось. Дубовицкій не являлся, и С. И. назвалъ его дуракомъ, сказавъ: «Эхъ вздумалъ съ цѣлой батареей пожаловать, у него ихъ было 30 человѣкъ, а у меня вокругъ сада стояло пѣшихъ и конныхъ человѣкъ 500, и я самъ съ ними; не далеко бы ускакалъ». Племянницѣ же онъ сказалъ: «не дури, Маша, я самъ тебѣ выберу мужа по сердцу, будешь вѣчно благодарить».

Помню еще пріѣздъ новаго гостя. Молодой гвардейскій адъютантъ, артиллерійскій капитанъ, увѣшанный орденами, явился познакомиться; въ домѣ звали его Николаемъ Николаевичемъ Зборомирскимъ. Онъ имѣлъ какое-то порученіе и поклонъ отъ знакомыхъ изъ Петербурга. Пріемъ былъ радушенъ. Н. Н. понравился хозяину. Ловкій танцоръ, стрѣлокъ, собутыльникъ лихой, онъ не отставалъ ни въ бражничаньѣ, ни въ охотѣ, ни въ удовольствіяхъ. Всегда веселый, всегда услужливый, понравился онъ С. И., который такъ привязался къ нему, что уговорилъ его жениться на Марьѣ Михайловнѣ.

— Ну, Маша, объявляю тебѣ, что вотъ дорогой гость мой, Н. Н. Зборомирскій,—дѣлаетъ намъ честь и сватается за тебя. Я далъ за тебя согласіе и потому прошу тебя, племянница, безъ

всякихъ споровъ принять это предложеніе, а васъ Н. Н., прошу поцѣловать свою невѣсту. Эй, дайте шампанскаго!

— Дядюшка, что это такое, вы забываете, во-первыхъ, что я не ваша подданная, которою вы можете распоряжаться по произволу и выдавать за любого служителя вашего, а во-вторыхъ, забыли, что я уже совершеннолѣтняя, и если изъ деликатности не прошу, чтобы меня ввели во владѣніе, то это не даетъ вамъ еще права издѣваться надо мною. Если вы не выдали меня за того, за котораго я сама хотѣла, то предоставьте же мнѣ по крайней мѣрѣ вольно распоряжаться собою и впередъ. Вашей же, Н. Н., дерзости я очень удивляюсь. Кто далъ вамъ право думать, что вы меня купите у дяди; ни вашему уму, ни вашему воспитанію неприличенъ такой поступокъ.

Слезы градомъ полились у обиженно дѣвушки.

— Ну, сударыня,—сказалъ опекунъ,—вы все сказали, я далъ вамъ время высказаться, а теперь слушайте мою волю: Н. Н., я далъ тебѣ честное слово, что она будетъ твоя жена, и она ею будетъ. А вы, сударыня, тоже знаете, что коли Ст. Ив. далъ слово, такъ онъ его сдержитъ, и васъ, хоть связанную, повѣнчаю съ Н. Н.—прощайте, шампанское будемъ пить послѣ.

Прошло нѣсколько недѣль, и ничего не измѣнилось въ отношеніи наслѣдницы съ Н. Н. Онъ по-прежнему ѣздилъ на охоту съ хозяиномъ, по-прежнему былъ веселъ, а Марья Михайловна по-прежнему не хотѣла не только говорить, но и видѣть выбраннаго ей опекуномъ жениха.

Въ одно утро разнесся слухъ, что Ст. Ив. со всѣмъ семействомъ ѣдетъ въ Петербургъ. Сборы были большіе. Экипажи, прислуга и разные запасы приготовлены, и поѣздъ тронулся въ путь. Мѣсяца три объ нихъ не было никакого слуха.

Какъ и что было въ Петербургѣ и какъ уговорили наслѣдницу выйти за Зоромирскаго, не знаю. Но вотъ владѣлецъ возвращается, и молодые съ нимъ. Дается великолѣпный балъ, весь уѣздъ поздравляетъ молодыхъ, но молодая, принимая поздравленія, была всегда грустна, и не только при всѣхъ, но даже наединѣ, какъ говорила прислуга, не разговаривала съ мужемъ.

Прошелъ годъ,—родился ребенокъ, молодые поняли другъ друга, подружились и зажили счастливо. Зоромирскій вышелъ въ отставку и потребовалъ передачи управленія имѣніемъ изъ рукъ опекуна.

Какъ громомъ пораженный, смотритъ Ст. Ив. на Зоромирскаго и не находитъ словъ въ отвѣтъ. Наконецъ, со злобой, посмотрѣвъ прямо въ глаза Зоромирскому, сказалъ: «Такъ такъ-то вы, м. г., поступаете со мною, и я, значитъ, на груди своей отогрѣлъ змѣю. Живите себѣ счастливо, нога моя не будетъ больше у васъ».

— Эй, крикнулъ онъ,—запрягать, сейчасъ ѣду!

И на другой день Ст. Ив. со всѣмъ семействомъ уѣхалъ въ свое собственное имѣніе, бывшее въ 60 верстахъ отъ села, гдѣ онъ много лѣтъ бражничалъ на счетъ малолѣтней и совершеннолѣтней племянницы. Отъѣздъ его измѣнилъ всю обстановку жизни села Вири.

Отецъ мой долженъ былъ лишиться мѣста, такъ какъ Ст. Ив. рѣшилъ, что сынъ его довольно уже ученъ, а дочь невѣста. Еще нѣсколько мѣсяцевъ прожили мы въ нашемъ домѣ до самой смерти Ст. Ив., который простудился на охотѣ, и мѣсяца черезъ 4, послѣ ссоры съ Зоромирскимъ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни.

Не перенесъ гордый человѣкъ этотъ униженія — смириться передъ тѣмъ, кому онъ благодѣтельствовалъ и которому онъ доставилъ богатство и довольство.

Это было уже въ 1821 г., и отецъ мой поѣхалъ въ Харьковъ и тамъ, выдержавъ экзаменъ на учителя гимназіи, поступилъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Екатеринославскую гимназію.

Во время жизни нашей въ с. Вири случилось происшествіе, которое подѣйствовало сильно на мой дѣтскій умъ.

Въ сорока верстахъ отъ нашего села жилъ богатый помѣщикъ, кн. Щербатовъ. Это былъ баринъ стариннаго вѣка, гордый, самовластный, но очень любившій свое многочисленное семейство. Въ домѣ этомъ мнѣ случалось бывать съ отцомъ моимъ, и меня въ особенности ласкала старшая дочь князя, Марія, дѣвушка чрезвычайно красивая, добрая и милая. Князь въ особенности гордился этой дочерью, надѣясь выдать за равнаго ей по рожденію, и, кажется, уже далъ слово какому-то важному лицу. Но княжна не раздѣляла мнѣнія своего отца. Ей понравился молодой отставной поручикъ, нѣкто Савичъ, богатый человѣкъ, но не графъ и не князь. Молодой человѣкъ былъ влюбленъ серьезно и полагалъ, что съ одобренія княжны, любимицы отца, онъ, сдѣлавъ предложеніе, не встрѣтитъ отказа. Князь, хладнокровно выслушавъ молодого человѣка, отвѣчалъ:—«М. Г. я вамъ очень благодаренъ за честь, но долженъ вамъ сказать, что дочь моя не можетъ выйти за васъ, потому что я рѣшился выдать моихъ дочерей только за равныхъ мнѣ по рожденію, и, несмотря на богатство ваше и ваши личныя достоинства, я рѣшительно вамъ отказываю, и прошу васъ оставить мой домъ».

Что оставалось дѣлать влюбленнымъ? Княжна рѣшилась бѣжать, но бѣжать изъ дома отца, бдительно наблюдавшаго за каждымъ взглядомъ и дѣйствіемъ дочери, было чрезвычайно трудно. Домъ окруженъ садомъ и въ немъ вездѣ стояли караульщ-

щики; старый князь и княгиня не оставляли дочь одну. Переписка не могла достигнуть; письма подъ страхомъ строжайшаго наказанія не иначе попадались княжнѣ, какъ черезъ руки хозяина, и, повидимому, не было возможности исполнить задуманнаго предпріятія. Княжна, твердая въ своемъ намѣреніи соединиться съ любимымъ человѣкомъ, была такъ умна, что мало-по-малу усыпила бдительность родителей и, несмотря на любовь къ отцу, который въ ней души не чаялъ, съ тяжелымъ сердцемъ, но не оставляла своего намѣренія.

Такъ дѣло протянулось до темныхъ сентябрскихъ ночей. Любовь хитра на выдумки, и молодой человѣкъ подкупомъ и лаской умѣлъ добиться тайнаго свиданія, и дѣло порѣшено исполнить въ ту же осень.

Разъ вечеромъ княжна, прощаясь послѣ ужина съ отцомъ, была какъ-то особенно нѣжна къ нему, просила отца простить ее за несогласный съ его видами выборъ, плакала на груди его и до того разжалобила старика, что ему и въ голову не приходило, что дочь, его любимица, въ эту же ночь оставитъ отеческій кровъ и соединится съ любимымъ ею человѣкомъ. Часу во 2-мъ ночи княжна тихо вышла изъ своей комнаты, въ блузѣ, какъ приготовлялась лечь спать, и незамѣтно пробралась въ садъ. Тамъ ждалъ ее женихъ, и въ минуту были они за оградой сада. Карета приняла ихъ, и четверка рьяныхъ коней помчала ихъ по направленію къ имѣнію жениха. Въ 20-ти верстахъ ждала ихъ другая карета, тамъ еще третья и четвертая привезла ихъ часу въ 10-мъ утра въ имѣніе жениха. 80 верстъ проскакала молодая чета въ страхѣ быть пойманными посланными князя, но этого не случилось, дѣло окончилось благопріятно.

Священникъ и приглашенные женихомъ свидѣтели были готовы, и тайный бракъ совершился благополучно.

На другой день утромъ князь, выйдя къ утреннему чаю и не видя старшей дочери, спросилъ: «Гдѣ же Маша?» Ему отвѣчали, что, вѣроятно, по обыкновенію она встала рано и пошла гулять въ садъ. Послали искать, но въ саду не нашли; тогда обратились къ горничной, и та отвѣчала: барышни нѣтъ и, вѣроятно, она не ночевала, такъ какъ постель ея не смята.

Говорятъ съ княземъ чуть не сдѣлался ударъ. Все понялъ онъ, и тутъ пробудилась вся его гордость; тотчасъ приказано было всѣмъ охотникамъ сѣдлать коней и скакать въ погоню по двумъ дорогамъ, съ строгимъ наказомъ, гдѣ бы ни настигли бѣглецовъ, схватить княжну и живую или мертвую привезти назадъ. Помчались молодцы. Мы спокойно обѣдали дома, какъ вдругъ человѣкъ 15 верховыхъ окружили нашъ домъ. Входитъ стремянный князя

и вѣжливо спрашиваетъ, не у васъ ли княжна Щербатова? позвольте сдѣлать обыскъ.—Смотрите—отвѣчалъ отецъ мой,—съ какой стати княжна будетъ у насъ?

— Здѣсь село; можетъ, здѣсь вѣнчались.—Савичъ увезъ княжну.—Такъ ищите у Савича, отсюда до его усадьбы 40 верстъ, и вѣнчанья здѣсь не было.

Посланные вышли, вскочили на коней и помчались далѣе. Обѣ партіи прискакали почти въ одно время въ усадьбу Савича, но вѣнчаніе уже совершилось. Савичъ на требованіе возврата княжны спокойно отвѣчалъ: доложите князю, что здѣсь княжны Щербатовой нѣтъ, здѣсь моя законная жена, а на мою жену князь правъ не имѣетъ. Посланные награждены каждый 2-мя рублями и, какъ изъ числа охотничьихъ лошадей князя отъ бѣшеной скачки три или четыре пали, то Савичъ далъ имъ изъ своей конюшни лошадей и отправилъ назадъ.

Похищеніе это надѣлало тогда много шума между сосѣдями, хвалили ловкость Савича и мастерское исполненіе. А князь бѣсновался и отъ срама уѣхалъ въ Москву. Три года не прощалъ онъ молодымъ. Бѣдная Савичъ, цѣня высоко благословеніе родителей, долго добивалась прощенья, но всѣ заботы родныхъ, всѣ просьбы знакомыхъ были тщетны, наконецъ какъ-то въ Москвѣ съѣхались князь и молодые, и прощенье испрошено. Дальнѣйшая судьба этой четы мнѣ неизвѣстна.

Пріѣхавъ въ Екатеринославль осенью 1821 г., отецъ мой вступилъ въ должность учителя нѣмецкаго языка въ гимназію. А мать подала прошеніе и объявленіе, что открываетъ дѣвичій пансіонъ. Учебное начальство, имѣя въ виду одобрительныя свидѣтельства объ отличномъ содержаніи пансіоновъ въ Могилевѣ и Сѣвскѣ, тотчасъ дозволило открыть пансіонъ и для поощренія дало помѣщеніе въ большомъ домѣ, принадлежащемъ гимназіи, не въ дальнемъ разстояніи отъ гимназическаго зданія. Здѣсь помѣстились мы, и вскорѣ многіе изъ родителей Екатеринославской, Херсонской и Полтавской губерній помѣстили своихъ дочерей въ ученіе. Въ первый же годъ блестящій результатъ на экзаменѣ удовлетворилъ родителей, слава пансіона возросла, и на второй годъ было въ заведеніи болѣе 30 воспитанницъ. На третій годъ выпускной экзаменъ утвердилъ славу заведенія, и на 4-й годъ въ заведеніи было до 60 ученицъ.

Матери моей помогали двѣ уже взрослыя мои сестры. Учителя гимназіи всѣ были приглашены въ преподаватели; танцамъ и рукодѣліямъ учили мои сестры.

Такъ шло дѣло. Пансіонъ былъ въ славѣ, и матеріальное довольство нашего семейства видимо поправлялось.

Екатеринославская гимназія, тогда еще 4-хклассная, была одна изъ лучшихъ гимназій. Учителя были люди знающіе, и всѣ молодые, кончившіе въ разныхъ университетахъ курсы наукъ со степенями кандидатовъ. Учитель словесности, Н. Н. Лобачевскій, былъ даже докторъ философіи. Учитель латинскаго языка, К. И. Гернъ, иностранный докторъ права и изящныхъ наукъ. Учитель богословія, тамошній протоіерей, докторъ богословія Максимъ Моторный.

При гимназіи былъ благородный пансіонъ, содержимый болѣе 15 лѣтъ учителемъ латинскаго языка К. И. Гернъ.

К. И. Гернъ прибылъ изъ Геттингена въ Екатеринославль и опредѣлился переводчикомъ въ контору нѣмецкихъ колонистовъ. Обладая необыкновенной научной подготовкой, онъ скоро основательно усвоилъ русскій языкъ, принялъ должность учителя латинскаго языка въ гимназіи и, не оставляя должности переводчика въ конторѣ колонистовъ, открылъ мужской пансіонъ. Во время поступленія моего пансіонъ существовалъ уже лѣтъ 15, и былъ въ огромной славѣ. Большая часть профессоровъ Харьковскаго университета были изъ его учениковъ.

Опишу наружность этой замѣчательной личности. Старичокъ лѣтъ 60-ти маленькаго роста. Лысина во всю голову и остатки волосъ на затылкѣ зачесывались на лбу, придерживаясь крутымъ гребешкомъ. Одѣтъ вѣчно въ коричневомъ фракѣ, въ нанковыхъ палевыхъ панталонахъ, вложенныхъ въ небольшіе поверхъ панталонъ безъ каблуковъ сапожки; жилетъ коричневый, съ манжетами, вѣчно покрытыми табачными пятнами и табакомъ. Голосъ рѣзкій. Движенія быстры. Всегда почти на бѣгу. Лицо красное, съ такимъ же носомъ, показывающимъ, что онъ нерѣдко попивалъ потихоньку, но мы никогда не видали его пьянымъ.

Познанія этого человѣка были огромны: онъ основательно зналъ греческій, санскритскій, латинскій, англійскій и нѣмецкій языки и чрезвычайно основательно усвоилъ знаніе русскаго языка, такъ что часто за болѣзнью учителя словесности читалъ за него лекцію и гораздо болѣе толково передавалъ, чѣмъ самъ учитель. Математику, исторію, физику, естественную исторію зналъ онъ основательно. Былъ замѣчательный піанистъ, зналъ основательно генералъ-басъ, и право трудно сказать, чего онъ не зналъ вполнѣ основательно.

Замѣчательными способностями своими онъ обратилъ на себя общее вниманіе всего учебнаго округа; долговременное же содержаніе пансіона доставило ему порядочное состояніе.

Учитель словесности, докторъ философіи Иванъ Ивановичъ Лобачевскій, занимался своимъ предметомъ такъ, что если бы въ пансіонѣ не было у насъ другого учителя словесности, молодого кандидата Харьковскаго университета Петра Матвѣевича, то мы окончили бы курсъ, едва имѣя понятіе о русской словесности и вѣрно не знали бы даже орѳографіи.

Вотъ образчикъ лекціи Лобачевскаго (замѣчу, что онъ написалъ въ свой вѣкъ много книгъ и считался весьма ученымъ и при томъ знатокомъ своего предмета). Входитъ Лобачевскій всегда въ шапкѣ и шинели. Дойдя до каѳедры, онъ грязную шапку свою кладетъ на столъ, шинель кладетъ на окно и медленно взбирается на ступеньки каѳедры. Садится, молчитъ, иногда, если ученики шепчутся, скажетъ: «тише» и опять молчитъ. Такъ продолжаетъ минутъ пять, потомъ вынимаетъ клѣтчатый платокъ, посмотритъ на ладонь, плюнетъ на нее и платкомъ разотретъ. Эту операцію онъ продолжаетъ минутъ 10, и опять молчаніе. Потомъ говоритъ, какъ бы себѣ: «книгу». Если словъ его не разслышатъ сейчасъ, то онъ подождетъ, подумаетъ, подумаетъ еще и опять повторитъ немного громче «книгу», и если и тогда никто не принесетъ ему книги, то онъ еще громче, и уже съ досадою скажетъ: «Донецъ, (послѣдній ученикъ въ гимназіи) книгу». И вотъ Донецъ несетъ книгу, и начинается чтеніе лекціи. Читаетъ онъ быстро, невнятно и во весь годъ никого не спроситъ, понялъ ли, что читано; экзаменовъ полугодовыхъ не было и на годовомъ рѣшалось дѣло, кто какъ учился.

Латинскому языку училъ насъ К. И. Гернъ. Этотъ предметъ въ концѣ курса дозволено было проходить или вмѣсто него, кто желалъ итти въ военную службу, могъ заниматься въ 4 классѣ военными науками, т.-е. фортификаціей, артиллеріей, аттакою и обороною крѣпостей. Для этого предмета опредѣленъ былъ особый учитель, Ар. М. Черкасовъ. Я воспользовался этимъ дозволеніемъ, и какъ не имѣлъ вообще охоты къ латинскому языку, то въ 4-мъ классѣ рѣшительно отказался учиться по-латыни, а всѣ классы, для этого языка опредѣленные, употреблялъ на тщательное изученіе военныхъ наукъ и черченіе фортификаціонныхъ и артиллерійскихъ чертежей.

Не предвидѣлъ я, что это обстоятельство помѣшаетъ мнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поступить въ университетъ, и тогда карьера моя была бы совсѣмъ другая.

Физику и естественную исторію преподавалъ у насъ нѣкто Ушковъ. Этотъ, какъ говорится,—ни швецъ, ни жнецъ, ни въ дуду игрецъ. Занимался онъ, какъ умѣлъ, и кто имѣлъ охоту дѣлать опыты, имѣлъ страсть къ ботаникѣ, тотъ могъ самъ до-

ходить, какъ равно и по физикѣ, въ весьма богатомъ физическомъ гимназическомъ кабинетѣ и по минералогіи по образцамъ того же кабинета. Отъ Ушкова же мало толку было.

Исторію, географію и статистику преподавалъ весьма дѣльный учитель Петръ Черкасовъ, который тоже занимался повтореніемъ словесности, непонятой нами у Лобачевскаго, и мы предметы Черкасова знали отчетливо и учились не по тогдашней методѣ въ зубряшку, а сознательно.

Французскій учитель былъ парижанинъ изъ плѣнныхъ французскихъ барабанщиковъ; говорилъ онъ парижскимъ лучшимъ акцентомъ, но едва умѣлъ самъ правильно писать, а о грамматикѣ и синтаксисѣ и понятія не имѣлъ. Нѣкоторые изъ насъ, знающіе уже дома хорошо языкъ, должны были быть репетиторами и помогали ему. Но все-таки наши познанія во-французскомъ языкѣ ограничились болтаніемъ.

Онъ выдавалъ себя долго плѣннымъ гвардейскимъ капитаномъ—Capitaine de la Garde Impériale de Sa Majesté Napoléon I—и на этомъ основаніи принятъ былъ въ русскую службу и произведенъ за выслугу лѣтъ въ титулярные совѣтники. Но вдругъ пензенское губернское правленіе пишетъ къ директору: дошло до свѣдѣнія губернскаго правленія, что въ екатеринославской гимназіи зачисленъ учителемъ французскаго языка французскій подданный Де-Висто, то губернское правленіе, предполагая, что этотъ иностранецъ не кто другой, какъ скрывшійся изъ Пензы французскій плѣнный барабанщикъ этого имени, покорнѣйше проситъ сдѣлать подробное объ этомъ дознаніе, и если это тотъ самый, то прислать его въ Пензу по этапу за конвоемъ.

Гимназическое начальство, получивъ такую грозную бумагу и не желая поставить директора въ невыгодное положеніе, такъ какъ онъ принялъ Де-Висто за одно бойкое знаніе французскаго языка, сначала гувернеромъ къ своему сыну, а потомъ утвердилъ его учителемъ гимназіи, отвѣчало, что этотъ Де-Висть не тотъ, который былъ въ Пензѣ, а другой его однофамилецъ, а г. Де-Висту посовѣтовали принять православіе и просить перемѣнить фамилію, что онъ и сдѣлалъ, и ему дали фамилію Безногова, а потомъ онъ былъ переведенъ въ Воронежскую гимназію тѣмъ же званіемъ.

Пенза успокоилась, и имя Де-Виста исчезло изъ списковъ. Въ іюнѣ 27 года выпущенъ я изъ гимназіи съ весьма порядочнымъ аттестатомъ, въ одномъ латинскомъ языкѣ значилось посредственно.

Несмотря на неудовлетворительную отмѣтку въ латинскомъ языкѣ, я по совѣту отца рѣшился вступить въ университетъ и для

того отправился съ отцомъ въ Харьковъ, но такъ какъ познанія мои въ латинскомъ языкѣ были ниже посредственныхъ, то меня до вступительнаго экзамена помѣстили къ профессору Экебладту. Я занялся и много уже успѣлъ, но въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого же года заболѣлъ горячкой и оспой, пролежавъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ постели. Тутъ открылась война съ Турціей, и я вскипѣлъ воинственнымъ духомъ помѣряться съ турками. Письмо къ отцу полетѣло съ убѣдительной просьбою опредѣлить меня въ военную службу. Въ Екатеринославлѣ стояли тогда два егерскіе полка 13-й и 14-й. Отецъ обратился къ командиру 14-го полка, и тотъ далъ слово опредѣлить меня. Поэтому, оставивъ Харьковъ и милое семейство моего профессора, прибылъ въ началѣ 1828 года обратно къ отцу.

Въ концѣ февраля пріѣхалъ братъ моего зятя, артиллеристъ литовскаго корпуса, Павелъ Матвѣевичъ Черкасовъ, и, узнавъ о ревностномъ желаніи драться съ турками, онъ предложилъ мнѣ опредѣлиться въ артиллерію, въ батарею его брата, который только что получилъ назначеніе въ гренадерскомъ корпусѣ, добавивъ къ тому, что батареѣ его брата тоже назначено выступленіе.

«Въ артиллерію, такъ въ артиллерію», сказалъ я, и вотъ мы отправились въ Кіевъ, гдѣ я пересѣлъ изъ саней въ сани къ брату Черкасова, Ивану Матвѣевичу, и поѣхали въ Смоленскъ для свиданія съ его родителями, а оттуда въ штабъ бригады въ городъ Осташковъ, Тверской губерніи.

Тогдашніе командиры бригадъ старались увеселять общество, гдѣ имъ назначена стоянка. Музыка, фейерверки, балы безпрестанно смѣняли одинъ другой. Мѣстность Осташкова представляла всѣ удобства къ увеселеніямъ. Острова по озеру Селигеру поперемѣнно служили увеселительными мѣстами. На одномъ изъ острововъ устраивалась охота на зайцевъ съ загонщиками. Загонщики были музыканты и барабанщики. Охотники избирали середину острова и составляли цѣпь стрѣлковъ. Загонщики съ музыкой и барабаннымъ боемъ вразсыпную, но на дистанціи, поднимали оглушительный шумъ, и бѣдные звѣрки стремглавъ неслись навстрѣчу выстрѣламъ. Была настоящая бойня. Прогнавши въ одну сторону острова, загонщики опять заходили съ другого берега и опять гнали ихъ на середину. Опять выстрѣлы, опять жертвы. И это повторялось разъ пять до самаго вечера. Вечеромъ подъѣзжали лодки съ дамами. Музыка размѣщалась, и съ торжествомъ возвращались мы домой.

Въ другой разъ изберется другой островъ пить чай. Нѣсколько десятковъ лодокъ съѣдутся съ кавалерами и дамами, и въ пре-

красный іюньскій или іюльскій день гуляютъ по острову, играютъ въ горѣлки, бѣгаютъ, ловятъ другъ друга, играютъ въ серсо, въ воланъ, и вся молодежь веселится,—тамъ чай подъ звуки прекраснаго хора музыкантовъ, и вечеромъ возвращаемся домой на иллюминованныхъ различными фонариками лодкахъ. То бригадный командиръ, въ день именинъ своей жены, сдѣлаетъ блистательный фейерверкъ на островѣ, и весь городъ тамъ. Прекрасныя мѣщаночки добраго града Осташкова въ дорогихъ, но странной формы кокошникахъ, съ любопытствомъ смотрятъ на забавы баръ и группируются въ восхитительной при освѣщеніи фейерверка гирляндѣ.

Все лѣто 1828 года прошло для меня въ одномъ сплошномъ удовольствіи.

Въ концѣ 29 года опредѣлился я въ карабинерный Барклая-де-Толли полкъ, и какъ тогда всѣ юнкера были собраны въ штабѣ поселеннаго короля Прусскаго полка, въ нѣкоторыхъ верстахъ отъ Новгорода, то я отправился туда, и въ числѣ около 120 человѣкъ составляли школу, раздѣленную по степенямъ познаній на три класса, низшій, средній и верхній.

Описывать жизнь въ школѣ прапорщиковъ слишкомъ подробно не стану, потому что это все было уже описано другими. Все шло первый годъ для меня прекрасно, но не такъ было вообще. Разскажу одинъ важный въ школѣ случай, который имѣлъ вліяніе на участь многихъ изъ моихъ товарищей.

Командиръ школы, человѣкъ въ душѣ злой, но подъ маской вѣжливости пыталъ терпѣніе своихъ подчиненныхъ. Разныя мелкія придирки, обидныя наказанія истощили терпѣніе многихъ. Всѣ негодовали, но жаловаться было некому, да и не за что; онъ умѣлъ придраться ко всякому случаю, къ волосамъ ли, къ разстегнутому-ли воротнику, къ нечищенной пуговицѣ, къ перчаткамъ, къ складкамъ на колѣняхъ, однимъ словомъ ко всему. Карцеръ наполнялъ безпрестанно, на дежурство не въ очередь наряжалось безпрерывно, и все было такъ натянуто, что только тогдашняя субординація могла выдержать глупыя придирки командира,—но все это было дѣлано вѣжливо, съ выраженіями отнюдь не дерзкими, а какъ бы по обязанности службы.

Наконецъ, кто-то изъ юнкеровъ не выдержалъ: безымяннымъ письмомъ объявилъ онъ, что если подполковникъ Есауловъ не перемѣнитъ своего обращенія, то онъ всадитъ ему пулю въ лобъ. Это письмо представлено было начальнику штаба военныхъ поселеній и доведено объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія.

Повелѣно было отыскать виновнаго, началось строжайшее слѣдствіе. Какъ ни искали, какъ ни бились, но ничего не нашли.

Пало впрочемъ подозрѣніе на юнкера Бекетова, молодого человѣка, окончившаго курсъ въ Казанскомъ университетѣ, юношу 22-хъ лѣтъ. Собраны были сильные противъ него факты, но онъ не сознавался и утвердительно и энергически доказывалъ, что ничего не писалъ и ничего не знаетъ.

По докладу государю произведеннаго слѣдствія и дѣйствій по этому дѣлу начальника штаба корпуса генерала Гурко, послѣдовала высочайшая собственноручная резолюція въ слѣдующихъ выраженіяхъ: оставить Бекетова безъ всякаго подозрѣнія, слово благороднаго человѣка должно быть свято.

Не прошло мѣсяца, какъ окончилось слѣдствіе по поводу письма, какъ полученъ былъ отъ начальника штаба военныхъ поселеній приказъ, чтобы начальникъ школы представилъ о тѣхъ юнкерахъ, которые ненадежны поведеніемъ и не дѣлаютъ успѣховъ въ наукахъ. И вотъ въ угоду приказа начальника Есауловъ представилъ о 17-ти юнкерахъ, и всѣ они были разжалованы, и въ томъ числѣ Бекетовъ.

Есауловъ торжествовалъ, но духъ у юнкеровъ не поникъ. Выискался во время самаго слѣдствія о Бекетовѣ смѣлый юноша, мальчикъ замѣчательныхъ способностей, и, не боясь грозы, въ прекрасно написанномъ письмѣ выразилъ всю безнадежность положенія подпрапорщиковъ подъ гнетомъ изверговъ-начальниковъ, смѣло подписалъ свое имя, и его несчастнаго разжаловали въ солдаты и послали на Аландскіе острова въ линейный баталіонъ. Погибъ смѣлый юноша за высказанную правду, погибли и 17 человѣкъ. Ни о комъ изъ нихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, мы, товарищи не слыхали.

Это все было въ 29 году. Въ августѣ же этого года я поступилъ въ высшій классъ.

Я въ числѣ другихъ прилежно занимался своимъ дѣломъ и у насъ настало болѣе тишины. Звѣрь Есауловъ удовольствовался жертвами, и вѣрно ему было приказано поостерегаться въ своихъ поступкахъ.

Разъ только лѣтомъ 30 года опять случился казусъ, который грозилъ другой партіи человѣкъ до 30-ти потерять галуны. Но, къ счастью, дѣло это было домашнее, и Есауловъ долженъ былъ докладывать объ этомъ нашему инспектору школы—корпусному оберъ-квартирмейстеру полковнику барону Зеделлеру, а тотъ генералу Гурко.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой исторіи былъ я. Дѣло простое. Одного изъ товарищей нашихъ за корпусныя шалости, отчего могъ поселиться между юношами развратъ, и въ особенности потому, что товарищъ этотъ нашъ успѣлъ уже

соблазнить одного 16-ти лѣтняго юношу и тотъ чуть не впалъ въ чахотку, мы за эту продѣлку вздумали проучить, т.-е. порядочно выпороть.

Избранъ былъ день свободный, когда намъ разрѣшено было идти съ офицеромъ, гулять въ лѣсъ.

Человѣкъ 30 самыхъ лучшихъ юнкеровъ были въ заговорѣ, мы отдѣлились отъ общей партіи и поймали барина на мѣстѣ преступленія. Тутъ всыпали ему свѣжими лозами ударовъ 50, а можетъ быть и болѣе. По окончаніи экзекуціи мы чинно ему доложили, чтобы онъ сохранилъ нашъ подарокъ въ секретѣ, а то, пожалуй, и повторить можно, да чтобъ о своей пакости—соблазнять мальчишекъ—онъ бы совершенно забылъ, а то еще хуже будетъ. Не знаю, понялъ ли нравственную причину, за что онъ былъ наказанъ, но боль заставила его клятвенно обѣщать все, чего мы бы ни пожелали. Гуляніе кончилось благополучно, никто казалось не зналъ о нашей продѣлкѣ, но вышло не такъ. Дежурный офицеръ, бывшій съ нами, не гулялъ и вечеромъ въ тотъ же день прислалъ за мною и съ испуганнымъ лицомъ спросилъ: правда ли, что вы высѣкли такого-то?

— Если вы уже знаете, такъ не стану скрывать, да, высѣкли, что жъ изъ этого?

— Помилуйте, что вы сдѣлали, вѣдь я долженъ буду доложить объ этомъ начальнику школы.

— А если должны, то докладывайте, фактъ совершился и сдѣланнаго не воротишь.

— Да, вѣдь васъ всѣхъ разжалуютъ. Вѣдь сѣченый въ лазаретъ отправленъ,—будетъ ли еще живъ?

— Не безпокойтесь: живъ будетъ, рубцы только не скоро заживутъ.

— Да за что же вы его наказали?

— А вотъ за что: не вводи товарищей въ чахотку. Вы знаете вѣдь какъ боленъ З., а попробовалъ предложить другому, и вышло ему не по нраву.

Офицеръ мой улыбнулся. Онъ выпущенъ былъ тогда изъ кадетскаго корпуса, гдѣ въ то время язва эта сильно дѣйствовала. При вечернемъ рапортѣ командиръ зналъ обо всемъ. Зарадовалось его злое сердце: еще разъ потѣшиться и стереть галуны по крайней мѣрѣ съ зачинщиковъ. На утро потребовалъ онъ меня. Вхожу. Ласково-змѣинымъ взглядомъ окинулъ меня съ головы до ногъ и, не найдя въ одеждѣ ничего, къ чему бы могъ придраться, началъ такъ:

— Ась, батенька, что вы надѣлали? за что до полусмерти высѣкли М.,—вѣдь вы знаете, что за это будете солдатомъ. Какъ вы это смѣли сдѣлать, опять заговоръ? А, что же не отвѣчаете?

— Виноватъ, В. В., высѣкли.

— Только-то. Да это я безъ васъ знаю. Извольте отвѣчать: какъ вы смѣли это сдѣлать?

— Виноватъ, былъ одинъ мой отвѣтъ.

Сколько онъ ни бѣсился, сколько ни старался добиться отъ меня вспыльчиваго отвѣта, я далъ себѣ слово отнюдь не говорить ничего, кромѣ заученнаго слова: виноватъ. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя: да что вы все говорите виноватъ да виноватъ, а больше ничего, говорите же, кто были ваши товарищи, которыми вы, какъ атаманъ разбойниковъ, командовали.

— Прикажете дать вамъ списокъ?

— Да, да напишите сейчасъ, вотъ здѣсь на столѣ, вотъ перо и бумага.

И вотъ 30 именъ самыхъ лучшихъ юнкеровъ прописаны моей рукой. «Ну», думалъ я писавши, «здѣсь уже нѣтъ лѣнтяевъ. Весь высшій классъ, и нѣтъ людей ненадежнаго поведенія». Схватилъ мой исписанный листъ, велѣлъ запрячь лошадей и явился доложить о происшествіи инспектору классовъ.

— Полковникъ, началъ онъ, у меня опять неблагополучно.

— Что, развѣ опять письма?

— Нѣтъ, полковникъ, но юнкера высѣкли своего товарища до полусмерти и онъ отправленъ въ лазаретъ.

— А?..

— Да, полковникъ, эти молодцы не знаютъ мѣръ въ своей дерзости, ихъ примѣрно надобно наказать.

— Да, да...

— Богъ знаетъ, будетъ ли живъ наказанный, вѣдь ужасно, розогъ 300 ему дали...

— Не меньше ли? А позвольте, впрочемъ, узнать, за что же? Вѣдь не такъ же, безъ всякой причины; кто же эти молодцы— вѣрно, мошенники, шалуны.

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ шалуны, вотъ списокъ, который написалъ самъ атаманъ.

— Кто же это?

— Арнольдъ.

— А съ нимъ кто же были?

— Да, вотъ всѣ, которые въ спискѣ означены.

— Позвольте му... му... (читаетъ про себя).

— Да это самый лучшій народъ у васъ въ школѣ, видно какая-нибудь важная причина заставила ихъ такъ дѣйствовать, что, сѣченный замѣченъ въ воровствѣ, что ли?

— Нѣтъ, полковникъ, не то,—а вотъ видите-ли, какъ это

вамъ доложить... извольте видѣть—корпусная шалость,—ну однимъ словомъ шалость... и за что такъ наказывать...

— Мм... мм, такъ вотъ оно что! А что подполковникъ, такъ кстати спросить, и вы воспитывались тоже въ корпусѣ?

— Да, я тоже выпущенъ изъ корпуса.

— М... м... г. подполковникъ, я вотъ вамъ что скажу на это: вы совершенно напрасно безпокоились пріѣзжать докладывать о такихъ пустякахъ. Прошу васъ, возвратитесь въ школу и отъ имени моего и начальника штаба, которому я сегодня же доложу о такомъ похвальномъ поступкѣ вашихъ молодцовъ, скажите имъ особенную благодарность за то, что они въ средѣ своей не терпятъ мерзавцевъ. Поѣзжайте съ Богомъ. А я лично буду у васъ и поблагодарю молодцовъ.

Не солоно хлѣбавши, возвратился нашъ грозный бичъ домой и не летитъ объявлять немилость начальства. Наконецъ на другой день входитъ въ классъ и, обратившись ко мнѣ, съ своей змѣиной улыбкой сказалъ: «ну, Арнольдъ, дѣло ваше лучше, чѣмъ я думалъ, полковникъ Зеделлеръ прощаетъ Вамъ и всѣмъ вашимъ товарищамъ на первый разъ, находя, что причина этого поступка была благородна. Но впередъ будьте, господа, осторожны,—не всегда такъ сойдетъ».

Пѣна показалась на его губахъ, онъ едва сдерживалъ свою злость и поспѣшилъ выйти. 30 языковъ и носовъ провожали его,—а по выходѣ въ одинъ голосъ сказали: что, получилъ?

Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ Зеделлеръ и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ насъ за недопущеніе мерзостей въ нашемъ кругу и добавилъ: «Ну, господа, а теперь отъ васъ зависитъ, что сдѣлать съ этимъ мерзавцемъ».

— Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ,—былъ нашъ отвѣтъ.

— Благодарю и за это.

Не кончилось это дѣло одною благодарностью, и Гурко въ свой пріѣздъ лично отъ души благодарилъ насъ. Посѣченный выздоровѣлъ скоро, и боялся, какъ огня, попасть къ намъ въ руки. Дѣло было забыто, и никто уже не рѣшался наслаждаться въ родѣ М.

Пришло, наконецъ, время и мнѣ ждать производства въ офицеры, какъ вдругъ получена бумага изъ Герольдіи, которая увѣдомила, что я, хотя и представилъ документы о дворянскомъ своемъ происхожденіи, но Герольдія, разсмотрѣвъ документы, нашла, что, такъ какъ отецъ мой занимался въ гор. Могилевѣ часовымъ мастерствомъ, то опредѣленнаго въ военную службу сына его, т.-е. меня, Михаила, считать изъ дворянъ не слѣдуетъ.

Вотъ какъ въ то время дворянинъ не смѣлъ заниматься мастерствомъ, хотя бы умиралъ съ семьей съ голоду. Дивное правило, врядъ ли законное и человѣчное, но тогда не было на это апелляціи, и я долженъ былъ, вмѣсто того, чтобы черезъ мѣсяцъ надѣть эполеты, остаться 12 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, т.-е. на общихъ правахъ.

Благодаря какому-то особенному счастливому случаю, мнѣ было предложено на выборъ или поступить въ резервные баталіоны армейскихъ войскъ (въ гренадерскомъ корпусѣ вольноопредѣляющимся тогда не дозволялось служить), или выйти въ отставку. Я избралъ послѣднее и уволенъ былъ унтеръ-офицеромъ въ 1830 году.

Насталъ 1831 годъ. Войска гренадерскаго корпуса отправились въ царство польское усмирять возмутившихся поляковъ.

Одинъ изъ хорошихъ моихъ знакомыхъ, казначей 3 гренадерской бригады, предложилъ мнѣ вступить на службу въ артиллерію, но, какъ я уже говорилъ, въ гренадерскомъ корпусѣ вольноопредѣляющихся не дозволено было принимать, поэтому онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ Вильно, гдѣ хотѣлъ представить меня знакомому своему бригадному командиру, и тотъ, вѣроятно приметъ меня, и я поступлю въ составъ войскъ, ѣдущихъ противъ мятежниковъ. Мы прибыли въ Вильно въ январѣ 1831 года. Въ февралѣ назначено было артиллерійской бригадѣ, расположенной тогда въ Вильнѣ, идти на Гродно, и въ эту-то бригаду намѣревался меня помѣстить мой пріятель-казначей.

Являюсь къ бригадному командиру, полковнику Плещееву,— принятъ ласково. Обмундированъ и отправляюсь съ бригадою въ Гродно. Пришли въ Гродно. Дневка. Требуютъ къ полковнику.

— Ну что, батюшка, дѣлать мнѣ съ вами, говоритъ бригадиръ. Вѣдь бумаги ваши возвращены, вы не утверждены въ дворянствѣ, такъ велѣно вамъ возвратить документы, ищите доказательства вашего дворянства...

Пріѣхавъ вновь въ Екатеринославъ, я тотчасъ по почтѣ послалъ просьбу въ главный штабъ объ опредѣленіи меня въ конную артиллерію.

Польское возстаніе усмирено. Опредѣленія же моего нѣтъ, какъ нѣтъ. Я живу праздно по большей части въ имѣніи тестя моего брата въ 25 верстахъ отъ Козлова. Что занимаетъ насъ въ деревнѣ?

Отецъ жены моего брата, старикъ 70 лѣтъ, 20 лѣтъ не встающій съ постели—не потому собственно, что не могъ по болѣзни, нѣтъ,

такъ привыкъ: утромъ переходитъ часу въ девятомъ изъ спальни въ гостиную, ложится на другую постель и такъ лежитъ до 12-ти часовъ. Въ 12 подаютъ обѣдать, онъ идетъ въ столовую, ѣстъ исправно. Послѣ обѣда отправляется отдохнуть въ спальню, къ 6-ти часамъ вечера просыпается, пьетъ чай, сидя на другой кровати, призываетъ шута Василія, заставитъ его врать глупости, посмѣется, а потомъ прикажетъ своимъ экономкамъ поиграть съ нимъ въ дурачки. Тѣ дразнятъ его,—тотъ ругается. Помѣщикъ смѣется. Время ужинать,—поужинаетъ и на боковую; опять отправляется старикъ въ спальню. Такъ проходятъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы. Я прожилъ въ деревнѣ этой съ сентября 1831 г. по декабрь 1832 г. и не замѣтилъ перемѣнъ ни въ одномъ днѣ: все какъ я записалъ, такъ и было. Дѣти его говорили, что такъ они его съ дѣтства помнятъ. Было у него дома три сына. Младшій былъ почти мой ровесникъ, другіе старше. Всѣ они трое считались на службѣ въ козловскомъ уѣздномъ судѣ, но никогда въ судѣ не были, а взамѣнъ этого высылалась чиновникамъ, которые служили за нихъ—крупа, мука и все прочее, и деньгами малая толика. По окончаніи 12 лѣтъ такой усердной службы они произведены въ коллежскіе регистраторы и вышли въ отставку. И вотъ въ барскомъ этомъ домѣ живутъ 4 молодца, ничего не дѣлающіе, ни о чемъ не заботящіеся, да еще сестра ихъ, дѣвушка лѣтъ 16-ти. Псарная охота въ порядкѣ (старикъ былъ когда-то записной охотникъ), штукъ 20 своръ гончихъ и штукъ 15 борзыхъ, лошади донскія—охотниковъ человѣкъ 8. Все какъ слѣдуетъ въ барскомъ домѣ прежнихъ помѣщиковъ. Нѣтъ недостатка и въ горничныхъ. Ихъ штукъ 8 сидятъ въ дѣвичьей, вышиваютъ на пяльцахъ и все прочее. Не прочь и молодые баричи посидѣть и поболтать съ кружевницами и пяльщицами, пѣсни попѣть вмѣстѣ и все прочее, какъ быть должно.

Тесть моего брата никогда въ жизнь свою не выѣзжалъ изъ деревни, кромѣ необходимыхъ поѣздокъ въ Козловъ и то на одинъ какой-либо день. Въ пеленкахъ онъ зачисленъ былъ сержантомъ гвардіи и потомъ уволенъ въ отставку съ чиномъ арміи-маіора,—и тѣмъ, разумѣется, удовольствовался. Грамоту онъ не любилъ,—подписывался на документахъ подъ диктовку буквъ, и диктовка эта продолжалась часа 2 или иногда и 3, покуда онъ напишетъ: маіоръ такой-то руку приложилъ. Тоже не любилъ онъ, чтобы сыновья читали книжки и, благодаря такой заботливости о первоначальномъ воспитаніи, его сынки были хотя не безграмотны. но съ большимъ грѣхомъ пополамъ—и дошли сами собою до того, что о грамотѣ не заботились и, конечно, сами могли подписать свои фамиліи безъ диктовки и даже написать записки,

но куда какъ хромала орѳографія, а ужъ о грамматикѣ говорить нечего.

Такъ прошелъ весь 32-й годъ и только къ концу года я получилъ разрѣшеніе отправиться въ Варшаву и явиться въ 3-ю конно-артиллерійскую батарею, куда я опредѣленъ фейерверкеромъ 4 класса.

Получивъ, наконецъ, желаемое опредѣленіе, встрепенулся я и съ ревностью поспѣшилъ на службу. Въ началѣ 1833 года прибылъ въ Варшаву и былъ отправленъ въ м. Скерневицы, гдѣ расположена была конно-артиллерійская батарея.

При подачѣ прошенія я имѣлъ въ виду, что, согласно высочайшему велѣнію, объявленному въ приказѣ по гренадерскому корпусу, всѣ вольноопредѣляющіеся имѣютъ право, по выслугѣ въ унтеръ-офицерскомъ званіи 4-хъ лѣтъ, быть произведены въ офицеры, если будутъ того достойны по экзамену. Съ этой надеждой прибылъ я въ батарею.

Офицеры батареи приняли меня почти дружески, ввели меня въ свой кругъ, и мы начали жить, какъ тогда жили офицеры въ своемъ кружкѣ, весело и безъ всякихъ ссоръ.

Карты, вечеринки, дружескія попойки безъ излишества; все это смѣнялось постоянно то у одного, то у другого офицера.

М. Скерневицы наполнено евреями и польской шляхтой. Послѣ возстанія шляхта смотрѣла на русскія войска съ ненавистью и конечно сочувствія намъ вовсе не оказывала. Взрослые, конечно, держали себя сдержанно, но уличные мальчишки не стѣснялись: идешь бывало по улицѣ, мальчикъ или даже дѣвочка схватитъ камешекъ, бросить его къ тебѣ въ ноги, и самъ убѣжитъ къ воротамъ и дразнитъ: у, гицель, москаль—значитъ вѣжливо сказать «собака русскій». Сосѣдніе помѣщики избѣгали знакомства съ русскими офицерами, а служащіе бургомистръ и члены думы ихъ только терпѣли, хотя были скромны въ своихъ выраженіяхъ.

Такъ какъ развлеченій постороннихъ у насъ вовсе не было, мы ограничивались только своей компаніей. Каждый вечеръ сходились то у того, то у другого изъ нашихъ товарищей. Сначала садились играть въ вистъ, сыгрывали робберовъ 12, подавали въ это время чай, иногда съ ромомъ, потомъ слѣдовала закуска, состоящая изъ стряпни денщиковъ, битокъ ли съ картофелемъ, или что другое. Потомъ иногда посылали за виномъ, которое у насъ имѣло названіе по формѣ бутылокъ. Если требовалось рейнское или шато-лафитъ, то говорили: не послать ли за нѣмочками?,

а если шампанское, то говорили: пошлите за парой француженокъ. Если было не поздно, то послѣ ужина принимались пѣть или даже поплясывать. Пѣсни наши были большею частью туземнаго напѣва,—совсѣмъ польскія, такъ что если бъ кто услыхалъ, какъ мы громогласно распѣвали: «еще Польша не сгинѣла», такъ подумалъ бы что тутъ собрались польскіе заговорщики и завзятые враги русскихъ.

Пѣсни наши и то обстоятельство, что мы ежедневно сходились всѣ вмѣстѣ, обратило такое вниманіе тайной полиціи, что посланъ былъ въ главную квартиру доносъ, и неожиданно явился въ наше мирное собраніе адъютантъ начальника артиллеріи Шеншинъ съ тайнымъ порученіемъ узнать образъ мыслей офицеровъ и донести, въ какой мѣрѣ мы вредны. Избранъ былъ Шеншинымъ какой-то благовидный предлогъ, по части хозяйственной или другой какой, а потомъ за обѣдомъ у полковника онъ сталъ разспрашивать, какъ мы проводимъ время. Отвѣтъ былъ: «да что скука страшная, живемъ между собой, играемъ въ карты, пьемъ, ужинаемъ и прочее, какъ всѣ».

Былъ у насъ въ батареѣ шт.-кап. Саврасовъ, служившій прежде въ гвардіи, человѣкъ образованный, хорошій віолончелистъ и человѣкъ довольно богатый. У него, кромѣ денщика, были еще поваръ и лакей. Въ этотъ день была очередь проводить у него вечеръ. Онъ пригласилъ Шеншина. Полковникъ не бывалъ на нашихъ пирушкахъ, боясь уронить свое достоинство, и при томъ онъ въ карты не игралъ и вовсе ничего не пилъ.

Сѣли играть въ винтъ. Шеншинъ тоже сѣлъ и сыгралъ 6 роббероvъ, потомъ Саврасовъ вынулъ віолончель, разставилъ пюпитръ съ нотами и сыгралъ нѣсколько весьма хорошихъ пьесъ изъ лучшихъ композиторовъ. Мы душевно наслаждались задушевными звуками віолончели и забыли о картахъ. Поданъ былъ прекрасный ужинъ, не только битки съ картофелемъ, но нѣсколько блюдъ и пирожное, потомъ послали за француженками, кажется за 6-ю. Вино заискрилось въ бокалахъ, или, виноватъ, бокаловъ у насъ не было, а просто въ стаканахъ. Компанія развеселилась, и пошла плясовая; я игралъ на гитарѣ какую-то дичь, а офицерство кружилось то въ вальсѣ, то танцовало карикатурную мазурку на манеръ мазуровъ (Скерневицы наполнены мазурами) и наконецъ и трепака, и казачка; Шеншинъ до упаду хохоталъ; наконецъ, запѣли пѣсню: «еще Польша не сгинѣла», «нашъ воякъ» и другія пѣсни, вовсе не-русскія.

Намъ и въ голову не приходило, что эти-то пѣсни обратили на себя вниманіе высшаго начальства, и что Шеншинъ прибылъ собственно за тѣмъ, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли мы такіе опасные люди, какъ описала тайная полиція.

На другой день очередь была у другого офицера. Шеншину понравилась наша компанія, и другой вечеръ проведенъ былъ также, за исключеніемъ количества вина и качества, тутъ ужъ были на сценѣ нѣмочки. Еще дня два пробылъ Шеншинъ у насъ и уѣхалъ въ полномъ убѣжденіи въ нашей добросовѣстности, отличной нравственности и преданности службѣ и отечеству.

Приближалась Святая недѣля. Бригадный командиръ получилъ секретное предписаніе быть осторожнѣе. Ходятъ слухи, что поляки намѣрены въ ночь на Пасху. перерѣзать всѣ отдѣльныя части войскъ. Осторожно было это объявлено намъ, и усилены караулы.

Паркъ артиллеріи нашей стоялъ за мѣстечкомъ. Вблизи были комнаты прислуги. Лошади осѣдланы. Сбруя въ порядкѣ при каждомъ орудіи. Въ палаткѣ возлѣ парка находилось до 20 человѣкъ солдатъ, составляющихъ усиленный караулъ на случай опасности. Часовые удвоены.

Въ то время батареи были въ 12 орудій при 3 зарядныхъ ящикахъ, значитъ пожива для поляковъ была бы значительная, а перерѣзать насъ было такъ легко, что намъ и защищаться не было возможности. Что могли сдѣлать ночью 20 солдатъ, вооруженныхъ тупыми саблями и до нетерпимости дурными пистолетами. Захватить паркъ, пока еще мы не успѣли бъ опомниться, могло быть дѣломъ одного часа. Надобно замѣтить, что въ день предполагаемаго нападенія былъ проливной дождь съ страшной грозой.

Я былъ въ тотъ день дежурнымъ по карауламъ. Въ полночь пошелъ я съ тремя другими фейерверкерами осмотрѣть исправность караула. Прихожу—все исправно, караульные на своихъ мѣстахъ, остальная прислуга спитъ, убаюкиваемая грозой. Подхожу къ парку. Темень была такая, что въ двухъ шагахъ ничего не видать,—даже палатка не бѣлѣетъ. Натыкаюсь на орудіе, ищу часового, нѣтъ на своемъ мѣстѣ, иду къ другому, и того нѣтъ, а между тѣмъ ливень не перестаетъ, громъ и молнія безпрерывная.

Страхъ меня взялъ, думаю, ну бѣда, часовые или сняты или убиты. Иду къ палаткѣ, подымаю пологъ и вижу, что весь караулъ спитъ мертвымъ сномъ. Бужу ефрейтора, онъ вскакиваетъ. Спрашиваю: гдѣ часовые, и ихъ находятъ сладко спящими подъ ящиками. Такъ русскій солдатъ спитъ сладко и никакъ не вѣритъ, что опасность близка.

Офицеры наши вовсе не вѣрили молвѣ: они вполнѣ были убѣждены, что полякамъ нѣтъ возможности собраться, чтобы нападать на войска, и мирно спали или молились въ костелахъ, встрѣчая, хотя 12 днями ранѣе противъ нашего стиля, Воскресеніе Христово.

На утро я доложилъ полковнику, что все благополучно, и онъ прехладнокровно сказалъ: «ну, конечно, вздоръ, гдѣ имъ насъ рѣзать, это только пустыя сплетни».

Объ оплошности караула я не осмѣлился ему докладывать,— и потомъ все пошло мирно и тихо, какъ прежде.

Получено было распоряженіе о нашемъ новомъ передвиженіи. Корпусъ нашъ отправлялся въ Гродненскую губернію, а бригада наша въ Слонимскій уѣздъ въ мм. Дузенѣны и Дергочинъ.

Безъ всякаго особаго приключенія пришли въ Брестъ-Литовскъ. Тутъ обозъ нашъ былъ осмотрѣнъ въ таможнѣ, и, къ крайнему огорченію моему, полиція конфисковала единственное достояніе мое охотничье ружье, имѣя, какъ намъ объяснили, строгое предписаніе не пропускать оружія въ предѣлы Россіи. Что было поводомъ къ такому распоряженію, осталось для насъ тайной, но вѣрно для меня было то, что отъ меня, бѣдняка, отнимали единственную дорогую для меня вещь. Я просилъ, умолялъ чиновниковъ таможни не конфисковать моего ружья (впрочемъ, намъ объявили, что ружья будутъ впослѣдствіи возвращены ихъ владѣльцамъ, но пропустить ихъ строго запрещено). Видно просьба моя была черезчуръ убѣдительна—нашелся сострадательный чиновникъ, который посовѣтовалъ мнѣ достать какое-нибудь другое ружье и положить его въ ящикъ вмѣсто моего— для нихъ-де нуженъ счетъ, а какое тамъ ружье—для нихъ дѣла нѣтъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Купилъ за 75 коп. какой-то дрянненькій стволъ съ разбитымъ ложемъ и съ признаками замка, вложилъ въ ящикъ, сдалъ въ таможню, а свое потащилъ съ восторгомъ на квартиру. Ружья же, оставленныя въ таможнѣ, никогда не были возвращены своимъ владѣльцамъ.

Въ Брестѣ тогда ходилъ анекдотъ о продѣлкѣ одной барыни при водвореніи контрабанды.

Она жила въ крѣпости и, такъ какъ въ Царство Польское нужно было проходить черезъ мостъ на р. Наровѣ, а на другой сторонѣ была возлѣ самаго мѣста таможня, то она, имѣя по ея словамъ знакомыхъ въ мѣстечкѣ, уже находящемся въ Царствѣ Польскомъ, почти ежедневно проходила мимо таможни. Когда шла она утромъ изъ Бреста, маленькая собака изъ породы болонокъ съ кудрявой красивой шерстью весело прыгала и бѣжала у ея ногъ. Вечеромъ, возвращаясь домой въ Брестъ, собачку эту несла на рукахъ, являлась въ таможню, предъявляла свой видъ, и такъ какъ ее очень хорошо всѣ знали, то и не обращали на нее никакого вниманія.

Однажды ей не посчастливилось: какой-то любитель, должно

быть, маленькихъ собачекъ, когда она возвращалась съ собачкой на рукахъ, подошелъ къ ней и говоритъ, ахъ какая у васъ маленькая собачка, позвольте погладить. И что же оказалось къ изумленію чиновника? онъ погладилъ искусно сдѣланное чучело, во всемъ похожее на ту собачку, которая утромъ всегда сопровождала барыню. Результатъ вышелъ плачевный. Во внутренности чучела найдены дорогія кружева, и барыня арестована, а какъ у ней не оказалось достаточно денегъ, чтобы заплатить штрафъ, то рабу Божію отправили въ острогъ...

Обмундированіе тогдашнихъ нижнихъ чиновъ конной артиллеріи состояло изъ колета и рейтузъ, подложенныхъ съ внутренней стороны толстой кожей. Сапоги смазные съ короткими голенищами. Вооруженіе: сабля въ желѣзныхъ ножнахъ съ тяжелымъ мѣднымъ эфесомъ на бѣлой портупеѣ, за поясомъ огромный съ кремневымъ замкомъ пистолетъ въ кобурѣ, а черезъ лѣвое плечо на широкой же перевязи пристегнутъ патронташъ съ 24-мя, кажется, патронами. Вообразите же, какъ удобно вскакивать въ этомъ вооруженіи на лошадь, въ особенности, когда лошадь осѣдлана военной амуниціей. Сѣдла кавалерійскія съ высокими луками, съ обѣихъ сторонъ сѣдла пристегнуты выюки, на которыхъ на одной сторонѣ кошелекъ, а другой торба съ 6 гарнцами овса. За задней лукой пристегнута туго свернутая по походному шинель. Во время маневрированія кромѣ того у прислуги: у одного банникъ въ рукахъ, у другого пальникъ, а у третьяго ящикъ съ трубками.

Походомъ, какъ сядешь въ сѣдло, тебя такъ стиснетъ, какъ клещами, и дотого это сидѣніе утомляетъ, въ особенности въ жаркій день, что радъ ужасно, когда скомандуютъ: слѣзай,— едва расправишь утомленные члены и съ наслажденіемъ пройдешь версты двѣ или три.

Конно-артиллерійскій солдатъ вѣчно занятъ службою. Придетъ съ ученья, долженъ сейчасъ заняться чисткою орудій, потомъ разсѣдлать своего коня, обтереть ноги соломой, вычистить амуницію, т.-е. выбѣлить ее мѣломъ подъ глянецъ, вычистить эфесъ сабли и ложу пистолета, потомъ задать лошади сѣно и ждать выводки для чистки къ коновязи, гдѣ уже во время самой чистки даютъ лошадямъ овесъ. Самая чистка лошади часто не обходилась безъ наказанія солдатъ. Чуть только фельдфебель или дежурный фейерверкеръ замѣтитъ, что лошадь не чиста, или солдатъ лѣниво ведетъ скребницей или щеткой, такъ, не долго разговаривая, даетъ ему такой подзатыльникъ, что это долго помнится, а то и хлестнетъ его нагайкой.

Въ нашей батареѣ, впрочемъ, я не замѣтилъ большой жесто-

кости; не безъ того, что по зубамъ частенько доставалось лѣнтяямъ, но такого тиранства, какъ мнѣ приходилось видѣть и прежде въ гренадерскомъ корпусѣ, и послѣ въ кавалеріи, у насъ и въ поминѣ не было. Одному фельдфебелю, который ежедневно два раза утромъ и вечеромъ приходилъ съ рапортомъ къ полковнику—нерѣдко доставалось по зубамъ за каждое его неаккуратное исполненіе распоряженій и приказаній начальника.

Кстати теперь припоминаю одну изъ тысячъ часто повторяющихся экзекуцій, которой мы, юнкера гренадерскаго корпуса, были свидѣтелями, смотря изъ окошекъ коридора, гдѣ помѣщалась наша юнкерская школа. Въ манежъ вошли полковникъ гренадерскаго короля прусскаго полка, какъ теперь помню, Чевакинскій, а изъ боковыхъ дверей привели солдата, въ чемъ-то на ученьи провинившагося или сдѣлавшаго грубость кому-то. Ему спустили нижнее платье и положили на полъ; два унтеръ-офицера сѣли ему одинъ на голову, а другой на ноги, а два унтеръ-офицера стали по бокамъ наказываемаго. Розогъ было привезено чуть ли не цѣлый возъ. Бѣднягу стали сѣчь,—и ужъ сколько ему дали счетомъ розогъ, нельзя было не только считать, но страшно было видѣть это варварство: экзекуція продолжалась болѣе часу, и бѣднягу, который ужъ не могъ кричать, замертво отнесли въ лазаретъ, и онъ на другой день умеръ, не оставивъ и слѣда послѣ себя.

Тутъ же досталось и одному унтеръ-офицеру, который, по мнѣнію Чевакинскаго, мирволилъ при наказаніи: ему тоже отпустили розогъ сто, чтобы другіе знали, что не исполнять приказанія начальства строго наказывается.

И этотъ полковникъ былъ однимъ изъ исправнѣйшихъ полковыхъ командировъ и очень уважаемъ начальствомъ.

Вспомнивъ о звѣрствѣ Чевакинскаго, я вспомнилъ тоже о страшномъ бунтѣ поселенцевъ, бывшемъ по случаю холеры въ 1831 году.

Разскажу то, что относится до моихъ старыхъ знакомыхъ.

Когда дѣйствующіе полки гренадерскаго корпуса пошли въ Царство Польское и остались однѣ поселенныя роты и артиллерійская бригада, то въ самый разгаръ возмущенія поселяне истерзали старо-русскаго полицеймейстера Манджоса и тирански умертвили бригаднаго командира генерала Леонтьева.

Въ Старой-Руссѣ оставалась жена начальника артиллерійской дивизіи Гербеля. Она устроила въ своемъ домѣ больницу и принимала въ эту больницу всѣхъ раненыхъ и избитыхъ, несмотря на то, къ какой партіи они принадлежатъ.

Библиотека "Руниверс"

Ворвавшіеся въ Старую-Руссу мятежники, узнавъ, что генеральша Гербель живетъ въ своей квартирѣ, бросились къ дому и хотѣли ворваться, чтобы ее тоже растерзать, какъ жену офицера, но тутъ жители города и другая часть поселянъ начали защищать домъ, говоря, что генеральша мать всѣхъ угнетенныхъ и что она помогаетъ больнымъ и раненымъ. Свирѣпая толпа уступила, и домъ генеральши Гербель, подъ охраною благомыслящихъ гражданъ и нѣкоторыхъ поселенцевъ, остался не разграбленъ, и генеральша могла свободно ходить по городу и отыскивать раненыхъ и больныхъ.

Но не то было съ женой командира поселенной артиллерійской бригады.

Она жила въ домѣ штаба бригады въ небольшой деревнѣ. Мужа она при первой тревогѣ куда-то спрятала, а сама съ храбростью ожидала поселянъ. Ворвалась толпа.—Гдѣ мужъ твой? давай его сюда,—кричатъ разбойники, а не дашь такъ и тебѣ не жить.

— Мужъ уѣхалъ въ Руссу,—говоритъ она,—я совсѣмъ не знаю, гдѣ онъ теперь, можетъ быть давно убитъ, ради самого Бога, не мучьте меня, лучше сразу убейте.

— Врешь, знаешь: спрятала небось, ты хитра. Найдемъ сами, если не укажешь, и тогда при тебѣ съ него сдеремъ кожу, да потомъ и съ тебя. Искали по всему дому, перерыли, переломали все, но не нашли полковника.

— Ну, говори же, куда дѣвала мужа? начали опять допрашивать бѣдную полумертвую страдалицу.

— Не знаю, хоть сейчасъ убейте.

— Ну ребята, мужа не нашли, такъ съ нея шкуру долой. Вѣшайте ее за ноги, какъ того офицерика, что намъ попался сегодня—знатно съ него содрали шкуру, чай до сихъ поръ вертится на осинѣ.

И бѣдную полковницу бьютъ и тащатъ къ дереву. Вдругъ прибѣгаютъ еще человѣкъ 10 поселенцевъ и говорятъ прежнимъ: «бросьте, за что женщину вѣшать, не она насъ мучила и командовала, ей достаточно другимъ чѣмъ наказать, да косу остричь».

И вотъ потащили ее въ какую-то избу, натѣшились злодѣи и полумертвую бросили съ остриженной косой.

Сколько времени бѣдная женщина была между жизнью и смертью мнѣ не говорили, но фактъ этотъ совершенно вѣренъ. Мужъ ея спасся, былъ назначенъ впослѣдствіи плацъ-маіоромъ въ Новгородъ, былъ произведенъ въ генералы.

Офицеръ, о которомъ хвастались поселяне, былъ мой хорошій знакомый, нѣкто Цыско, бригадный адъютантъ 3-й гр. ар. бригады, незадолго до бунта переведенный въ поселенную бригаду.

Ужасныя дѣла совершались тогда, да и терпѣніе поселянъ было долго. Разразилась гроза, и многіе невинные пали подъ этой ужасной грозой.

Вотъ если бъ Чевакинскій имъ попался! Но тотъ былъ такъ догадливъ, что и съ полкомъ, кажется, не пошелъ, его бы свои солдаты при первомъ дѣлѣ подняли бы на штыки. А сколько было тогда Чевакинскихъ.

И все терпѣли наши солдатики и, что даже странно, многіе любили больше строгихъ начальниковъ, чѣмъ слабыхъ, тѣхъ они ни въ грошъ не ставили [1]).

М. К. Арнольдъ.

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г. см. въ двухъ книгахъ: изд. ред. «Русской Старины»: 1) «бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 году» С.-Пб. 1870 г. и 2) «Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія» С.-Пб. 1871 г. и въ книгѣ Слезкинскаго «Бунтъ военныхъ поселянъ». Новгородъ. 1894 г. *Ред.*